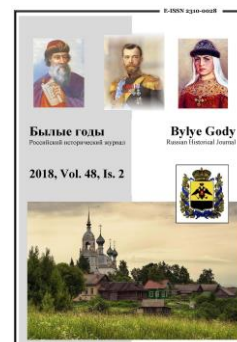

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 558-569. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.558
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part II

Ivan A. Ermachkov^{a, b, *}, Larisa A. Koroleva^c, Natalia V. Svechnikova^d, Jasmin Gut^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The article discusses the plague epidemic in the Caucasus in the period of 1801–1815. The attention is paid to the reasons of spreading the plague, and the efforts of the Russian administration in the case of its overcoming.

There were used as materials the archival sources of the Central state historical archive of Georgia, the sources of personal origin of emissaries, scouts and travelers who lived in the Caucasus, as well as scientific and reference literature. "Acts collected by the Caucasian archaeological commission" are of great importance in the work.

In the course of the research the authors applied the general scientific traditional methods, namely the method of system analysis, specification and generalization. The particular importance in the study is given to the concretization of particular aspects, namely the concretization and detailing of historical events allowed the authors to model the integral picture of the events. So, for example, it allowed to reveal the reasons of weak efficiency of fight against plague in the Caucasus in the initial period of its spreading.

The authors stated in conclusion that since Georgia's accession to the Russian Empire, the Russian administration has pursued its policy in the Caucasus in extreme terms of the plague epidemic. The adopted measures managed to localize some foci, but soon new broke out. The reasons for this were the trade relations between the population of the Caucasus, as well as numerous of local traditions and rituals. In some places, the death rate from plague was very high. For example, the high mortality observed in Telavi and Gori districts in 1811, as well as in Imereti.

Keywords: epidemic, plague, 1801–1815, Caucasus, Georgia, Kabarda, Cherkessia, the rites of the population, tradition.

1. Введение

Чума на Кавказе в XVIII – первой половине XIX вв. не была исключительным явлением в жизни кавказских народов. Согласно имеющимся данным, на Кавказе в XVIII веке были как минимум три эпидемии чумы: 1706, 1760 и 1790 гг., помимо этого фиксировались и отдельные очаги, например, в Моздоке в 1772 и 1798 гг. (Котенев и др., 2016: 613). Крупная вспышка была и в Черкесии в 1796 г. (Туренко, 1887: 41). Локализация чумы в годовых интервалах, представленная в работе Котенева и других, носит, на наш взгляд, спорный характер, так как чума не находилась постоянно в одной местности, а распространялась благодаря разносчикам дальше по территории Кавказа. В этой статье мы хотели бы рассмотреть историю чумы на Кавказе в начале XIX века. Данная статья является

* Corresponding author

E-mail addresses: eia07sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov), la-koro@yandex.ru (L.A. Koroleva), Svechnikova.NV@rea.ru (N.V. Svechnikova), jasmin.gut@etu.unige.ch (J. Gut)

второй частью исследования (Ermachkov et al., 2018: 120-129), и в ней рассматривается период 1810–1815 гг.

2. Материалы и методы

В качестве материалов привлечены архивные источники Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия), источники личного происхождения эмиссаров, разведчиков и путешественников, которые проживали на Кавказе, а также научная и справочная литература. Важное значение в работе имеют «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (АКАК, 4; АКАК, 5).

В ходе исследования были применены общенаучные традиционные методы: системного анализа, конкретизации и обобщения. Важное значение в исследовании имеет конкретизация частных аспектов, именно конкретизация и детализация исторических событий позволяют смоделировать целостную картину происходящих событий. Так, например, применимо ко второй части исследования нам удалось определить региональные особенности пиковых значений смертности от чумы, а также обнаружить наличие гендерного дисбаланса среди погибших от эпидемии.

3. Обсуждение

В российской и зарубежной историографии чума на территории Кавказа в самом начале XIX века не получила значительного освещения. Тем не менее эпизодические упоминания о ней имеются в значительном количестве работ. Так, например, в работе Н.Г. Волковой об этническом составе населения Северного Кавказа (Волкова, 1974: 20) имеются упоминания о чуме на Северном Кавказе в работах А.А. Черкасова и др. (Cherkasov et al., 2016). Эта тема рассмотрена Е.С. Котеневым с авторским коллективом в общем контексте истории эпидемий чумы на Кавказе (Котенев и др., 2016). Данному вопросу в Каспийском регионе во второй половине XIV – начале XV вв. уделил внимание Т.Ф. Хайдаров (Хайдаров, 2017). Чума проявлялась на Кавказе и в период царствования Петра I. Так, она была зафиксирована в районе крепости Св. Креста в начале 1720-х гг. (Gvarliani et al., 2017: 41). Эпизодическое внимание распространению чумы с территории Черкесии на русскую территорию уделил А.М. Туренко, который отмечал, что в 1796 г. черноморские казаки отправились к черкесам для обмена соли на хлеб и оттуда внесли на русскую территорию моровую язву. Язва распространилась среди жителей Екатеринодара, Тамани, многих страниц и держалась более 3 месяцев и стоила большого количества жизней (Туренко, 1887: 41). Вопросы распространения чумы в период русско-турецких и русско-персидских войн нашли свое отражение в трудах А.А. Черкасова с авторским коллективом (Cherkasov et al., 2017; Cherkasov et al., 2017a).

4. Результаты

Осада Ахалциха в 1810 г. с военно-санитарной точки зрения представляет одну из величайших ошибок, чреватых своими губительными последствиями. В ахалцихском пашалыке чума была довольно сильна осенью 1809 г. и весной 1810 г., и об этом генерал Торماسов не мог не знать, так как по представлению правителя Грузии генерал-майора Ахвердова сам же ходатайствовал о разрешении учредить в Бамбакской провинции со стороны Турции и Персии один карантин и пять карантинных застав, и в начале 1810 года получил разрешение устроить карантинные заставы в виде временных заведений с заверением, что все издержки будут впоследствии возвращены министерством.

Тем не менее осенью 1810 г. после нанесения поражения в ночь с 5 на 6 сентября соединенным персидским и турецким войскам под начальством эриванского сардаря Гусейн-Кули-хана в 5 верстах от крепости Ахалкалаки Тормасов предпринял осаду Ахалциха и ввел в ноябре в зараженный турецкий пашалык большой отряд из 12 батальонов пехоты с кавалерией и артиллерией и более 3 тыс. человек из числа милиции (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 62). Как только русские войска осадили Ахалцихскую крепость, милиционеры начали грабить окрестные турецкие селенья и награбленное свозили в свой лагерь. На 6-й день блокады, а именно 21 ноября, у них заболело чумою несколько человек, из которых семеро – грузинский князь Цицианов, татарский чиновник Аллах-Верды и 5 милиционеров – в тот же день и умерли. Хотя сейчас же милиция была отделена от регулярных войск, а взятая ею в ахалцихском пашалыке добыча сожжена, 24 ноября, то есть через три дня, чума обнаружилась и в регулярных войсках. В Саратовском мушкетерском полку заболело трое, и в Тифлисском мушкетерском – двое, которые в тот же день умерли. Тогда же узнали от пленных турок, что от чумы сильно страдало турецкое войско и что чуму занесли в крепость жители селений ахалцихского пашалыка, взятые в качестве заложников при приближении русских (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 62об.).

Это заставило генерала Тормасова 26 ноября снять блокаду Ахалциха и отвести обратно в Грузию не только свою, уже явно зараженную чумой армию, но вместе с ней и немало семей жителей, которые выводились из ахалцихского пашалыка. Конечно, всю надежду не принести с собой чуму он возлагал на карантин, вера в которые была у него, очевидно, сильна. С этой целью по дороге в Карталинию были устроены 2 карантина: первый – в Думанисах, а второй – в Чалах. Войска выдержали трехнедельный карантин, батальоны же Саратовского и Тифлисского мушкетерских

полков, где были чумные, –шестинедельный. Вступив в Грузию, Тормасов на границе поставил двойной военный кордон, а все дороги загородил караулами. Но ничто не помогло, и десятидневная осада Ахалциха дала Закавказью чуму, которая по своей жестокости далеко превзошла эпидемию первого десятилетия XIX века.

Слуга князя Цицианова, погибшего от чумы в числе первых под Ахалцихом, уцелел пробрался в сел. Карели Горийского уезда и принес с собой платье и вещи своего умершего барина. 10 декабря 1810 г., вскоре после появления этого слуги, чума обнаружилась в семействе, где тот остановился. Сам он остался цел, но из членов приютившей его семьи умерло трое мужчин и одна женщина. Затем чума появилась в сел. Эргнети того же Горийского уезда, в доме князя Херхеулидзе. Сам хозяин дома стал жертвой чумы. Почти одновременно чумные заболевания обнаружили в сел. Амир-Хасан Борчалинской дистанции (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 63).

В Карталинию отправился инспектор Грузинской врачебной управы Ризенко, который признал болезнь чумой, но только в слабой степени, не способной к дальнейшему распространению. Тем не менее были приняты радикальные меры для уничтожения очагов заразы: имущество чумных, их дома и все вещи были сожжены, а зараженные селения Карели и Эргнети окружены войсками. Дальнейшего распространения в этих селениях чума не имела, но появилась в сел. Брети, тоже Горийского уезда. Туда ее занес житель, возвратившийся из ахалцихского пашалыка с шерстяной пряжей и другими мелкими вещами. Первой и пострадала семья этого жителя, потерявшая 4 человек (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 63).

В самом начале 1811 г. чума появилась в Тифлисе, куда, вероятнее всего, была принесена возвратившимися из-под Ахалциха войсками. Первые случаи обнаружили уже в январе в Тифлисском военном госпитале, находившемся в предместье города. Тотчас же всех чумных и сомнительных по чуме выделили в особое место, которое оцепили караулом, но в самом городе, очевидно, были уже чумные очаги, и чума весной довольно быстро охватила весь город. Жителей объял страх, и у них явилось неудержимое стремление бежать из зараженного города. Управляющий в то время Закавказьем маркиз Паулуччи разрешил жителям выйти из города в окрестные сады, где и собралось летом до 10 тыс. человек. Бани в Тифлисе были закрыты, а церкви обращены в склады товаров и домашнего имущества ушедших из города жителей, которые сваливались без всякого разбора.

Все лето провели жители в садах, и многие дошли до совершенной нищеты, так как большинство населения города принадлежало к ремесленному сословию, лишившемуся во время чумы заработка вследствие полной остановки работы. Наступили ночные холода, и приближалась уже зима. Волей-неволей приходилось населению перебираться в свои городские жилища. Опасаясь сильной вспышки чумы вместе с возвращением в город жителей, маркиз Паулуччи организовал в Тифлисе под непосредственным надзором правителя Грузии генерал-майора Сталя «Комитет о сохранении здоровья жителей» (АКАК, 5: 29), задача которого состояла в том, чтобы определить все нужные меры для возвращения жителей в город в должном порядке и произвести очистку всех домов и вещей, зараженных или сомнительных. Председательствовал в Комитете почетнейший из тифлисских жителей князь Дарчи Бебутов, который при грузинских царях управлял Тифлисом, знал почти всех граждан и пользовался их полным доверием. Членами в состав Комитета вошли тифлисский комендант подполковник Левенцов, инспектор Грузинской врачебной управы Ризенко, «известный в опытности по заразительной болезни» полковой лекарь 46-го егерского полка доктор Прибиль, тифлисский полицеймейстер (нацвал) и один почетный гражданин по выбору правителя Грузии. Функционировать комитет начал 13 октября 1811 г. (АКАК, 5: 29).

Для впуска жителей из садов в город определили трое городских ворот: «банная, авлабарская и цавкисская», и на дорогах к ним устроили временные карантинные с личным составом из комиссара, лекаря, переводчика и трех или четырех служителей (АКАК, 5: 29). Все возвращавшиеся из мест, в которых чумы не было более 6 недель, должны были выдержать карантин в течение 24 часов, а возвращавшиеся из мест, где чума была только 20 дней тому назад, –трехдневный. Ослушники подлежали военному суду.

Комитет не рассчитал, однако, что для пропуска через карантинные все 10 тыс. жителей, которые ютились по садам и окрестностям Тифлиса, при трехдневном карантинировании и пропускной способности карантинных не более 180 чел. в течение недели через каждый, а значит в месяц не более 2160 чел. через все три карантинные (АКАК, 5: 32), нужно около 5 месяцев (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 64). Следовательно, начав выпуск в середине октября, пришлось бы закончить его весной следующего года и оставить часть населения на всю зиму под открытым небом. Между тем в тот год холода наступили рано, оставаться в садах было невозможно, и по необходимости Комитет вынужден был разрешить гражданам войти в город без всяких карантинных. Правда, все-таки те, в чьих домах была чума или кто имел сообщение с чумными, должны были выдерживать карантин, но понятно, что регистрации таких лиц не велось, и у Комитета было мало данных для того, чтобы правильно отделить одних от других. Да и для чего понадобились карантинные? Город был заражен раньше. Основательно очистить и обеззаразить его в короткое время было невозможно, причем у Комитета не было достаточно средств для этого. Вначале решено было сжечь все малоценные вещи и зараженные саки, но в таком случае пришлось бы истребить чуть ли не полгорода. Тогда обратились к окуриванию и простой чистке, но что мог сделать один лекарь с 2 или 3 служителями, назначенный для производства дезинфекции в целой части города? Понятно, что и

тут все свелось к выполнению формальности. Словом, хотя Комитет и работал добросовестно, но ничего радикального для искоренения чумы из Тифлиса не сделал, да и не мог сделать.

В декабре открыли для богослужения церкви, в которых не было сложено имущество, но молящимся не позволяли входить в бурках и становиться тесно друг к другу, деньги же брали от них в кружки с уксусом. Наконец, нужно было возвратить хозяевам имущество и товары, сложенные в церквях, и освободить последние. Над этим долго не задумывались! Все, что было упаковано в тюки или уложено в сундуки, прямо выдали хозяевам; домашние вещи и одежду, не уложенные, проветривали неделю на растянутых в церквях веревках и затем возвращали по принадлежности; вещи из зараженных или сомнительных помещений подвергали карантинному очищению. После церквей открыли и бани, запретив лишь нижним чинам посещать их.

Боясь заноса чумы извне, как будто бы в городе ее не было, приняли меры относительно торговцев-сельчан, привозивших из окрестных местностей съестные припасы на продажу. На тех трех дорогах в город, где были карантинные, несколько в стороне построили две параллельных перегородки в двух сажнях одна от другой, а между ними поставили кувшины с уксусом для опускания туда денег. К одной из перегородок подходили продавцы с товаром, к другой покупатель. Продавший клал товар в пространство между перегородками без всяких оберток, а купивший опускал в кувшин с уксусом условленную за купленный товар цену. Затем товар брал покупатель, а деньги продавец. Все, что достигалось этой церемонией купли-продажи, состояло лишь в том, что продавец и покупатель друг с другом непосредственно не соприкасались.

Применив такую меру к торговцам съестными припасами, Комитет обнаружил непоследовательность, разрешив беспрепятственно впускать в город жителей деревень, отстоявших от Тифлиса не далее 10 верст, привезших на продажу дрова, уголь, сено и другое, тогда как возы с вином и водкой осматривались, а бурдюки с вином и посуда с водкой обмывались соленой водой.

С того времени, как в Тифлис возвратились жители, т.е. с 26 октября по 9 ноября 1811 г. в городе умерло от чумы 42 человека (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 65). Особенно упорно держалась эпидемия на Авлабаре, так что «Комитет о сохранении здоровья жителей» предположил даже вывести авлабарских жителей и чумной лазарет в пригородное селение Навтлуг, но селение это оказалось состоящим из развалин, среди которых уцелело только 3 дома. Потерпев в этом неудачу, Комитет все же настаивал на вынесении чумных лазаретов за пределы города и предлагал построить один лазарет за ортачальскими садами, а другой – за предместьем Гаретубани. С целью изоляции Авлабара жителям его запретили даже ходить за водой на Куру мимо церкви Сурп-Карапета. Посещение противоположной части города (на правом берегу Куры) им не разрешалось ни под каким видом, и ослушникам грозило жестокое телесное наказание. Кулачная расправа как мера воздействия была распространена. Одних били за то, что скрывали больных чумой, других – за то, что закапывали в землю зараженные вещи, но уследить за всеми, конечно, было нельзя.

Из близких к Тифлису селений чума была в ноябре 1811 г. в селениях Эртиси и Вашловани (близ сел. Коды). Вероятнее всего, что она была занесена туда из Тифлиса.

Зимой 1811–1812 гг. чумная эпидемия стихла, и маркиз Пауллуччи 5 апреля 1812 года объявил чуму прекратившейся во всей Грузии, не упустив при этом, конечно, приписать прекращение болезни деятельности «Комитета о сохранении здоровья жителей». Но он ошибался. Чумные очаги остались в Грузии, и в последующее время до 1816 года, то есть до назначения на Кавказе Ермолова, чума вспыхивала ежегодно, хотя вспышки не достигали интенсивности эпидемии 1811 г.

Приведем официальные цифры заболевших и умерших от чумы в эту последнюю эпидемию, но они не полны, так как, во-первых, во многих пунктах цифры начинаются лишь с мая месяца, то есть со времени сильного развития эпидемии, а во-вторых, не включают данных о нижних чинах.

Таблица 1. Сводные данные о заболевших и умерших от чумы в 1811 году (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 66)

В городах	заболело	умерло
В Тифлисе (май-декабрь)	759	528
Анануре (апрель-август)	272	57
Елисаветполе (июль-декабрь)	558	536
Гори (июнь-сентябрь)	113	113
Телаве (май-июль)	48	48
В уездах		
В Тифлисском (апрель-июль)	203	175
Ананурском (май-декабрь)	407	229
Елисаветпольском (июль-декабрь)	172	145
Горийском (декабрь 1810 г. – декабрь 1811 г.)	1609	1177
Телавском (май-декабрь)	950	774
Сигнахском (май-июль)	142	142
Борчалинской дистанции (май-декабрь)	359	331
Всего:	5592	4255

Таблица 2. Ведомость об умерших от заразной болезни в Грузии с показанием, сколько выздоровело (АКАК, 5: 36)

	Умерло от заразы			Выздоровело и по очищению выпущено			Находится в карантине по сомнению					
	Муж. пола	Жен. пола	Детей	Муж. пола	Жен. пола	Детей	Больные			Здоровые		
	Муж. пола	Жен. пола	Детей	Муж. пола	Жен. пола	Детей	Муж. пола	Жен. пола	Детей	Муж. пола	Жен. пола	Детей
В г. Тифлис												
В мае	8	7	3	-	-	-	4	3	2	9	11	12
В июне	39	30	15	-	-	-	13	10	7	19	20	13
В июле	62	51	43	-	-	-	14	15	6	32	30	10
В августе	59	41	28	-	-	-	17	21	13	30	32	12
В сентябре	33	13	19	-	-	-	13	16	6	31	37	11
В октябре	13	15	4	19	20	23	9	10	5	20	30	14
В ноябре	12	14	9	13	15	5	19	14	11	41	42	26
В декабре	4	3	3	40	46	23	8	14	5	6	8	11
Итого	230	174	124	72	81	51	97	103	55	188	210	109
В Тифлисском уезде												
В апреле	34	20	28	2	1	4	-	-	-	-	-	-
В мае	4	3	2	1	-	2	-	-	-	-	-	-
В июне	32	26	25	5	6	7	-	-	-	-	-	-
В июле	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого	71	49	55	8	7	13	-	-	-	-	-	-
В г. Анануре												
В апреле	8	5	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В мае	6	15	10	2	4	5	-	-	-	-	-	-
В июне	5	-	3	7	11	8	-	-	-	-	-	-
В июле	-	-	-	23	19	14	-	-	-	-	-	-
В августе	-	-	-	62	32	28	-	-	-	-	-	-
Итого	19	20	18	94	66	55	-	-	-	-	-	-
В Ананурском уезде												
В мае	19	24	9	17	12	4	6	9	2	15	15	5
В июне	7	9	4	5	3	1	2	9	5	10	11	4
В июле	19	21	9	13	11	4	11	14	5	4	5	3
В августе	23	29	11	17	19	7	14	16	8	9	11	6
В сентябре	9	13	7	17	22	11	13	16	7	13	11	5
В октябре	3	3	1	4	5	2	1	2	1	-	3	2
В ноябре	2	3	1	1	1	-	1	2	1	2	1	-
В декабре	1	2	-	1	1	-	-	-	-	1	2	-
Итого	83	104	42	75	74	29	48	68	29	54	59	25
В г. Елисаветополе												
С 25 июля по 25 сентября	150	136	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
С 25 сентября по 30 октября	93	103	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
С 30 октября по 27 ноября	29	23	-	9	5	-	-	1	3	-	-	-
В декабре	2	-	-	1	3	-	-	-	-	-	-	-
Итого	274	262	-	10	8	-	-	1	3	-	-	-
В Елисаветпольском уезде												
В июле	15	11	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-

В августе	32	29	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В сентябре	16	5	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В октябре и ноябре	12	5	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В декабре	6	3	-	10	4	1	6	4	2	5	2	-
Итого	81	53	11	10	4	1	6	4	2	5	2	-
В г. Гори												
В июне	6	7	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В июле	30	14	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В августе	19	11	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В сентябре	3	4	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого	58	36	19	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В Горийском уезде												
В декабре 1810 г.	2	2	-	10	6	-	-	-	-	-	-	-
В январе 1811 г.	11	12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В феврале	13	23	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В марте	21	15	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В апреле	45	29	19	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В мае	68	57	29	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В июне	64	59	39	27	22	-	-	-	-	-	-	-
В июле	100	72	40	54	47	-	-	-	-	-	-	-
В августе	44	34	18	21	20	-	-	-	-	-	-	-
В сентябре	45	39	22	23	31	-	-	-	-	-	-	-
В октябре	40	31	19	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В ноябре	34	24	21	92	79	-	-	-	-	-	-	-
В декабре	31	27	14	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого	518	424	235	227	205	-	-	-	-	-	-	-
В г. Телаве												
В мае	15	7	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В июне	8	6	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В июле	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого	24	15	9	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В Телавском уезде												
В мае	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В июне	16	13	-	5	8	-	7	9	-	16	15	-
В июле	34	23	-	12	13	-	19	14	-	20	20	-
В августе	101	70	-	17	12	-	29	25	-	40	32	-
В сентябре	126	95	-	23	25	6	26	18	-	34	30	-
В октябре	106	83	-	9	13	-	20	16	-	16	21	-
В ноябре	33	21	-	4	8	-	10	14	-	12	17	-
В декабре	28	21	-	7	6	-	4	4	-	8	4	-
Итого	448	326	-	77	85	6	115	100	-	146	139	-
В Сигнахском уезде												
В мае	3	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В июне	41	40	21	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В июле	18	10	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого	62	52	28	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В Борчалинской дистанции												
По август месяц	106	62	16	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В августе	22	25	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В сентябре	34	41	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В ноябре	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
В декабре	5	3	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-
Итого	174	131	26	1	1	-	-	-	-	-	-	-
Всего по Грузии	2042	1646	567	574	531	155	266	276	89	393	410	31

Данные [Таблицы 2](#) показывают, что наибольшая смертность на территории Грузии была в июле и августе, однако в Телавском уезде наибольшей смертностью была в августе – октябре, которая в эти месяцы составляла 171–221 человек. По количеству жертв наиболее пострадавшими районами были Телавский и Горийский уезды. Важно также отметить, что единственным районом, где женщин погибло больше, чем мужчин, был г. Ананур и его уезд (102 мужчины и 124 женщины). Иными словами, женщин погибло на 20 % больше, чем мужчин.

Чумную эпидемию 1811 г. можно отметить еще в том отношении, что во время нее в первый раз в Закавказье с дезинфекционной целью были введены в употребление гитоновские окуривания или газы Гитона-де-Морво,¹ ставшие общеизвестными еще в 1774 году. Действующим агентом этих окуриваний были пары хлористоводородной кислоты.

В начале лета 1812 г. чума снова появилась в Тифлисе, опять прежде всего в военном госпитале, а затем в предместье Гаретубани и среди нижних чинов рабочей команды, которая располагалась в балаганах близ арсенала. Больные и сомнительные тотчас же были изолированы. Первых оказалось 43, а вторых – 36. Умерло от чумы 30 человек, и в канун мая заболевания прекратились ([ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 66об.](#)).

Гораздо опаснее была вспышка чумы в 1813 г. В селениях Горийского и Ананурского уездов она появлялась там, где жители вынимали для употребления вещи чумных, скрытые ими в эпидемию 1811 г. С августа 1813 г. чумные заболевания появились в Тифлисе, и в сентябре чума заметно усилилась. Главноуправляющий Грузией генерал Ртищев приказал не вводить для прекращения заразы никаких других мер, кроме указанных методом генерал-штаб-доктора Крейтона, и образовал временную комиссию из воинских чиновников для борьбы с эпидемией. Она была организована так, что в каждой части города работал один обер-офицер с нужным числом нижних чинов, действовавший непосредственно по предписаниям губернатора, для наблюдения же за точным исполнением этих предписаний был назначен подполковник Тифлисского пехотного полка Токарев. Особенностью комиссии было полное отсутствие в ее составе лиц медицинской профессии. Но, не доверяя врачам, Ртищев не возлагал особенно больших надежд и на свою военную комиссию и как верующий христианин обратился к небесному заступничеству. По его просьбе для избавления Тифлиса от чумы было перенесено в город из Эчмиадзинского монастыря Св. Копье.² И на этот раз значительного развития эпидемия не достигла ([ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 66об.-67](#)).

Осенью того же 1813 года появились чумные заболевания в Баку. Первый случай был 21 октября. Болезнь не была узнана, ее приняли за горячку, но после того, как в короткое время от нее в полном составе умерли четыре семьи, заразительность заболевания была доказана. Полагали, что чума занесена из Дагестана. Заболеваемость довольно быстро поднялась до больших размеров и распространилась на войсковые части, однако продолжалась недолго. С 10 ноября новых заболеваний уже не было. Из нижних чинов Бакинского гарнизона и батальона Севастопольского пехотного полка умерло от чумы 49 человек ([ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 67](#)). Для принятия мер к прекращению заразы из Тифлиса был командирован дивизионный доктор 20-й дивизии ([АКАК, 5: 349](#)).

Ровно через год после того, а именно в октябре 1814 г., чума появилась в казачьей команде³ на Ананурском казачьем посту. Три казака из этой команды пасли лошадей за рекой Арагвой и украли у расположившихся возле них на ночлег проезжих грузин войлок и простой ковер, которые и спрятали на посту. Спустя некоторое время войлок разрезали надвое и половину продали казаку, жившему с ними в одной землянке. Казак этот на другой же день заболел, а на четвертый – умер. После него заболел один из похитителей войлока и также умер через 4 дня. Одновременно с этим, т.е. в том же месяце, один казак с Ананурского поста ездил с штаб-лекарем Коралли в сел. Чартоли, где была чума, и оттуда привез с собой две овчины. Через 13 дней он заболел и на 6-й день болезни умер, а вслед за ним заболели и умерли офицер и еще один казак. После смерти первых двух казаков ананурский комендант майор Куликов вызвал батальонного фельдшера, который, осмотрев умерших и заболевшего офицера, не нашел явных признаков чумы, и только по предписанию генерал-майора Симоновича, которого не успокоило уверение фельдшера, из Гори в Ананур отправился штаб-лекарь Коралли, констатировавший несомненную чуму. Он нашел на посту трех больных чумой, от которой

¹ В 1773 году Guyton-de-Morveau, с целью обеззараживания, произвел опыт, который прославился на весь мир. Вследствие сильного холода множество трупов в ожидании погребения было помещено в склеп церкви Сент-Этьен в Дижоне. Когда температура повысилась, то эти трупы стали разлагаться и распространяли такой запах, что пришлось закрыть церковь. 6 марта 1773 года Guyton приказал налить в сосуд, поставленный в склеп церкви, два фунта серной кислоты на шесть фунтов морской соли; на другое утро, когда открыли склеп, не осталось и следа дурного запаха ([Лаверан, 1900: 355](#)).

² В конце 1814 г. чума появилась в Эриванском ханстве, и армянский патриарх Ефрем просил Ртищева возвратить в Эчмиадзин Св. Копье, «дабы силою оно спаси погибающий род человеческий». В Тифлисе в то время чумных заболеваний не было уже несколько месяцев, поэтому Св. Копье было доставлено обратно в Эчмиадзин в сопровождении нацвала Сургунова, и по дороге этой святыне оказывались подобающие почести.

³ Донского казачьего Поздеева 8-го полка.

уже до того умерло 5 человек, включая в том числе и офицера. Здоровых в команде оставалось 18 человек (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 67об.).

В том же 1814 г. чума была также в Сигнахском уезде, но к концу года там оставались только две зараженных деревни – Вакири и Анага. В Бамбакской провинции в селениях Гумри, Беканте и Караклисе чумные заболевания наблюдались летом, осенью их было уже мало, а в декабре они совершенно прекратились. На медных заводах чумой болели греки, прибывшие из Турции. Наконец, были случаи чумы среди жителей города Дербента, но болезнь на гарнизон не распространялась. В этом же году из войсковых частей сильно пострадали от чумы два отдельных батальона Херсонского гренадерского полка, в которых в один месяц умерли 1 офицер и 139 нижних чинов (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 68).

В следующем, 1815 году, чума держалась только в Горийском уезде. В 9 верстах от гор. Гори в сел. Вариани в начале марта нашли умершую от чумы женщину, заражен чумой был и ее муж, и кроме того там же было 10 сомнительных по чуме больных.

В сел. Квемо-Никози жители открыли яму, в которой были зарыты вещи чумных, умерших в 1812 году. Вскоре за этим появилась там чума, от которой умерло 5 человек. Бежавшая из одного из зараженных семейств этого селения осетинка пришла в сел. Эредви, где в одной сакле пробыла несколько часов, а в другой переночевала и затем ушла в Осетию. На другой же день после ее ухода, а именно 21 марта, в обеих саклях появились чумные заболевания. Одна семья вымерла в полном составе, в количестве трех человек. Никто из жителей не соглашался хоронить их, и покойников сожгли вместе с саклей. Вскоре умерших от чумы в сел. Эредви было 12 (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 68).

В первых же числах марта чума появилась в сел. Зерти, где от нее умерло 10 человек. Из этого селения чуму занесли в гор. Гори, но там она ограничилась одним семейством, в котором первое заболевание случилось 4 апреля. Из Зерти же чума проникла в сел. Кирбали. Туда занес ее 12-летний мальчик-пастух, умерший 8 апреля.

Кроме того, следует отметить в числе мест, в которых были чумные случаи, селения Сасирети, Доэси, Квакрили, Цилкани, Мчадис-джвари, Ничбиси и Квемо-Хандаки. В них чума обнаружилась в середине марта (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 68об.).

Говоря о чумной эпидемии второго десятилетия XIX века, нельзя не сказать о чуме в Имеретии. Вскоре после присоединения последней к России, во время бунта, вспыхнувшего в Имеретии после побега из Тифлиса 10 мая 1810 года имеретинского царя Соломона (АКАК, 5: 944), летом и осенью того года очень много засеянных полей было потоптано и отравлено или самими восставшими, или же пришедшими им на помощь турецкими войсками. Ранние осенние морозы dokonчили то, что уцелело. Следующий 1811 год практически по всему Закавказью был крайне неурожайный. Не имевшее никаких запасов население Имеретии стало голодать, и вскоре голод достиг такой степени, что родители отдавали своих полумертвых от голода детей в рабство тому, кто брался прокормить их в течение нескольких месяцев. Жители разбрелись по лесам, где питались травами и кореньями. Весной уже среди голодавшего населения появился сыпной (голодный) тиф, называвшийся тогда прилипчивой горячкой, и население стало вымирать в значительных количествах. «С августа, – доносил Симанович Торماسову, – продолжается столь сильное поветрие прилипчивых горячек и лихорадок, что чрезвычайно много не только воинских чинов, но даже и обывателей оными болезнями страждут и немалое число оных умирает, при всех морах, которые особенно при полках к отвращению оных болезней принимаются» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 68об.-69).

В довершение этого появилась чума. Нужно полагать, что занос ее был и из Турции, и из Грузии. Пришедшие помогать восставшим имеретинцам турецкие войска принесли чумную заразу еще в 1810 г., и она осенью обнаружилась в сел. Ваке волости Сачино, но вследствие рано наступивших холодов дальнейшего распространения в том году не получила. В июне 1811 г. чуму занес из Грузии в местечко Сачхере дворянин Григорий Мачавариани, который на третий день по прибытии туда умер, а вслед за ним заболели и умерли его родственники из того дома, где он остановился. В короткое время эпидемия охватила весь Сачхерский округ и большую часть Рачинского, а также появилась в соседних с Имеретией Ваханской и Кепинис-хевской волостях Горийского уезда.

К концу 1811 г. чума была уже по всей Имеретии. В начале декабря она появилась в столице Имеретии – Кутаисе, который был защищен карантинном, устроенным при въезде в город со стороны Грузии. Может быть, этим обстоятельством следует объяснить то, что в Кутаисе чумные заболевания были единичны, и от чумы умерло только 4 нижних чина из квартировавших там двух рот 15-го егерского полка, 7 обывателей и 2 арестанта. Нужно отметить, что город в то время уже сильно пострадал от тифа, и в нем не было буквально ни одного дома, где не было бы тифозных больных.

Голод, тиф и чума сделали свое дело. Имеретия опустела, и в ней осталась едва одна треть населения (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 69-69об.). По состоянию на 1810 г. численность населения в Имеретии составляла 40 тыс. дворов или около 200 человек мужского пола (АКАК, 4: 953). С учетом известного гендерного дисбаланса в численности населения, ввиду того что на Кавказе практически не было территорий, где количество женщин имело равное или большее количество

мужчин, мы можем полагать численность женского населения примерно в 150 тыс. человек. Большинство пало жертвой голода или заразы, другие же ушли искать продовольствие в разные области Закавказья и главным образом в Грузию. Оставшиеся дворяне и простой народ, спасаясь от чумы, побросали свои жилища и ютились в местных ущельях и горах.

Какова была убыль населения в течение 1811 г., видно из [Таблицы 3](#), составленной по донесениям окружных начальников и показаниям людей.

Таблица 3. Демографические данные по Имеретии в 1811 году (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 690б.)

	Умерло от голода, тифа и чумы	Разбежалось по соседним областям
В гор. Кутаисе	280	140
В округе Кутаисском	9690	2500
В округе Вакинском	11100	2000
В округе Багдадском	1780	200
В округе Рачинском	3000	1520
В округе Сачхерском	1800	400
В округе Чхерском	5100	690
Всего:	32750	7450

Войскам, охранявшим Имеретию, приходилось также тяжело. От тифа и чумы защититься не удалось, о получении продовольствия от населения не могло быть и речи, а между тем войска должны были жить походной жизнью и постоянно быть наготове вследствие ожидавшихся нападений турок.

По тем же самым неблагоприятным условиям нельзя было вновь присоединенной Имеретинской области дать медицинскую организацию в той форме, в какой она была введена в Грузии, и заботу о народном здравоохранении поневоле пришлось возложить временно на окружных начальников.

На Кавказской линии временами возникали мелкие вспышки чумной эпидемии, в общем же линия была свободна от нее. Виновниками этих вспышек являлись казаки, несшие постовую службу. «При известной приверженности к добычам», как их характеризовал генерал-майор Дельпоцо, казачьи войска были поставлены в довольно затруднительное материальное положение, так как в течение двух лет не получали фуража, и казаки должны были содержать и себя, и свою лошадь на одно жалованье, состоявшее из 12 рублей в год (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 70). Волей-неволей приходилось жить за счет соседей-горцев, воруя у них все, что попадалось под руку и плохо лежало. В числе украденных вещей встречались и такие, которые принадлежали чумным больным, вследствие чего возникали эндемии чумы. Они, правда, быстро заканчивались и вообще были не особенно злокачественны. Из таких эндемий мы можем отметить следующие (АКАК, 5: 352): 20 октября 1812 г. в сел. Обильном Георгиевского уезда Кавказской губернии чума обнаружилась в одной семье, которая вся и вымерла. Вскоре появились чумные заболевания в семьях, состоявших в родстве с вымершей. В течение недели умерло 11 человек, и затем эндемия мало-помалу затихла. Несколько позднее чума оказалась в сел. Черноярском Моздокского уезда, куда она могла проникнуть из селения Обильного (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 70).

Также в октябре, но тремя годами позже, следовательно в 1815 году, от чумы умер казак на Михайловском посту против Малой Абазии, а вслед за ним заболели поставой начальник сотник Ляхов и еще 4 казака. С 25 октября по 10 ноября там умерло от чумы 8 человек, и для пресечения заразы этот небольшой пост, состоявший из землянок и балаганов, со всем имуществом умерших был предан огню.

В ноябре чума обнаружилась на Баталпашинском посту – штаб-квартире Донского казачьего Сычева 3-го полка. Первый заболевший казак находился при полковом конном табуне, который пасты в недалеком расстоянии от поста. Затем на посту заболели чумой урядник и казак, после чего болезнь усилилась, и с 7 по 15 ноября, то есть в течение одной недели, там умерли от чумы два урядника и 14 казаков (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 700б.).

Были основания полагать, что на Михайловском посту начальник его – сотник Ляхов, а на Баталпашинском – казак, бывший при полковом табуне, получили какие-либо азиатские вещи из-за кордона и, передавая их из рук в руки, сами заразились и заразили других.

В марте 1816 г. чума была в Ставрополе, а затем в сел. Николаевске и Александровской казачьей станице.

Следовательно, в течение многих лет чума не прекращалась на Кавказе. Защитой России против заносов ее служили карантинные заставы, из которых главными были Моздокская

карантинная застава и Лащуринский карантин близ Кизляра.¹ Каковы же были эти спасительные учреждения? Увы, не лучшего качества!

Лащуринский карантин был расположен на берегу речки Каргинки,² ширина которой даже в половодье такова, что полупудовые тяжести можно перебрасывать руками с одного берега на другой. А осенью, зимой и весной, когда был наиболее оживленный пропуск товаров через карантин, Каргинка во многих местах почти совсем пересыхала, так что становилась вполне доступной переходу через нее. Пассажирское помещение было одно общее для всех, поэтому все, выдерживавшие карантин, как сомнительные, так и вполне здоровые, свободно общались друг с другом, и притом некуда было выделить даже заведомо чумных, если бы таковые оказались. Пакгаузы для товаров, турлучной постройки, не ремонтировались и постепенно приходили в ветхость (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 71).

Моздокская карантинная застава³ на берегу реки Терека помещалась в весьма тесных и ветхих, «вовсе не способных к употреблению» мазанках, которые, кажется, никогда не чинились. Совершенно изолированного помещения для чумных больных не имелось. К переправлявшимся через Терек выходили из Моздока торговки, продавали им разные съестные припасы и принимали деньги.

У карантинного маркитанта на противоположном берегу Терека была харчевня. Торговавшие там приказчики и работники свободно переправлялись через реку, передавали хозяину вырученные в харчевне деньги, а иногда, вероятно, и вымененные вещи, и все это, конечно, делалось без всякого карантинного очищения. Кроме того, до первого редута по грузинской дороге от Моздока шла с проезжавшими конвойная команда, которая оставалась там по несколько дней и возвращалась обратно с другими пассажирами, ехавшими в Россию. Солдаты этой команды карантинному не подвергались. С сентября до половины мая на Тереке против карантина делались отмели, и потому переправа совершалась во всякое время дня и даже ночью. Между карантинными чиновниками был полный разлад, и не только врач и комиссар заставы считали себя независимыми друг от друга, но и комиссарский помощник со своей командой, находясь при переправе, составлял как бы отдельную часть (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 71об.).

Неудовлетворительность Моздокской карантинной заставы бросалась в глаза каждому, и уже в 1808 г. возник вопрос о необходимости учредить на границах Кавказа с внутренними губерниями новый карантин со всеми необходимыми приспособлениями. О более рациональном устройстве такого карантина доктор Штегеман представил должные указания, и кавказскому гражданскому губернатору Картвелину было поручено составить положение, планы и сметы.

5. Заключение

Таким образом, с момента присоединения Грузии к Российской империи русская администрация проводила свою политику на Кавказе в экстремальных условиях эпидемии чумы. Принятыми мерами удавалось локализовать одни очаги, но вскоре вспыхивали новые. Причинами этого были торговые связи между населением Кавказа, а также целый ряд местных традиций и обрядов. В ряде мест смертность от чумы была очень высока. Так, например, в 1811 г. высокая смертность наблюдалась в Телавском и Горийском уездах, а также в Имеретии.

Литература

- АКАК, 4 – Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 4. Тифлис, 1870.
 АКАК, 5 – Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 5. Тифлис, 1873.
 Волкова, 1974 – Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX вв. М., 1974.
 Котенев и др., 2016 – Котенев Е.С., Дубянский В.М., Волькина А.С., Зайцев А.А., Куличенко А.Н., Кравцова С.Л. История эпидемий чумы на Северном Кавказе и современный эпидемический потенциал природных очагов чумы // *Медицинский вестник Северного Кавказа*. 2016. Т. 11. № 4. С. 612-616.
 Лаверан, 1900 – Лаверан А. Военная гигиена. В 2 т. Т. II. СПб., 1900.
 Туренко, 1887 – Туренко А.М. Исторические записки о войске Черноморском. Киев, 1887.
 Хайдаров, 2017 – Хайдаров Т.Ф. Эпидемии чумы в Каспийском регионе во второй половине XIV – начале XV вв. // *Золотоордынская цивилизация*. 2017. № 10. С. 304-309.
 ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии.

¹ Все карантинные Кавказской линии состояли в военном ведомстве, исключая лишь Моздокский и Лащуринский, которые были в гражданском ведомстве, но и в них военные начальники принимали участие. Собственно таможи и таможенные заставы находились в ведении министерства финансов, карантинные же ведались министерством полиции. А так как карантинные и таможенные соединились в карантинно-таможенные учреждения, то в последних царил двоевластие.

² При урочище Лащуринском в 12 верстах от Кизляра.

³ Через нее проходило ежегодно более 20 тыс. человек.

[Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016. 40(2), pp. 382-391.

[Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A. The losses of the Russian army during the Russian-Persian war of 1826-1828: The historical-statistical study // *Bylye Gody*. 2017. № 4.

[Cherkasov et al., 2017a](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. The losses of the Russian army in transcaucasia during the Russo-Turkish war (1828–1829): The historical-statistical study // *Русин*. 2017. № 4.

[Gvarliani et al., 2017](#) – Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. The Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799 // *Bylye Gody*. Vol. 43, Is. 1, pp. 39-47.

[Ermachkov et al., 2018](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part I // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47, Is. 1. pp. 120-129.

References

[AKAK, 4](#) – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeological commission]. V 12 t. T. 4. Tiflis, 1870. [in Russian]

[AKAK, 5](#) – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeological commission]. V 12 t. T. 5. Tiflis, 1873. [in Russian]

[Volkova, 1974](#) – Volkova N.G. (1974). Etnicheskiy sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XX vv. [The ethnic composition of the population of the North Caucasus in the XVIII – early XX centuries]. M. [in Russian]

[Kotenev i dr., 2016](#) – Kotenev E.S., DUBYANSKII V.M., Volynkina A.S., Zaitsev A.A., Kulichenko A.N., Kravtsova S.L. (2016). Istoriya epidemii chumy na Severnom Kavkaze i sovremennyyi epidemicheskii potentsial prirodnykh ochagov chumy [The history of plague epidemics in the North Caucasus and the modern epidemic potential of natural foci of plague]. *Meditinskii vestnik Severnogo Kavkaza*. T. 11. № 4. pp. 612-616. [in Russian]

[Laveran, 1900](#) – Laveran A. (1900). Voennaya gigiena [Military hygiene]. V 2 t. T. II. SPb.

[Turenko, 1887](#) – Turenko A.M. (1887). Istoricheskie zapiski o voiske Chernomorskom [Historical notes on the army of the Black Sea]. Kiev, 1887. [in Russian]

[Khaidarov, 2017](#) – Khaidarov T.F. (2017). Epidemii chumy v Kaspiiskom regione vo vtoroi polovine XIV – nachale XV vv. [Plague epidemics in the Caspian region in the second half of XIV – early XV centuries]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*. № 10. pp. 304-309. [in Russian]

[TsGIAG](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [Central state historical archive of Georgia].

[Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2016). The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 40(2), pp. 382-391.

[Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A. (2017). The losses of the Russian army during the Russian-Persian war of 1826–1828: The historical-statistical study. *Bylye Gody*. № 4.

[Cherkasov et al., 2017a](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. (2017). The losses of the Russian army in transcaucasia during the Russo-Turkish war (1828–1829): The historical-statistical study. *Rusin*. № 4. pp. 38-60.

[Gvarliani et al., 2017](#) – Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. (2017). The Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799. *Bylye Gody*. Vol. 43, Is. 1, pp. 39-47.

[Ermachkov et al., 2018](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. (2018). The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part I. *Bylye Gody*. Vol. 47, Is. 1. pp. 120-129.

Чума на Кавказе в период 1801–1815 гг.: часть II

Иван Анатольевич Ермачков ^{a, b, *}, Лариса Александровна Королева ^c,
Наталья Викторовна Свечникова ^d, Ясмин Гут ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Университет г. Женева, Женева, Швейцария

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: eia07sochi@yandex.ru (И.А. Ермачков), la-koro@yandex.ru (Л.А. Королева), Svechnikova.NV@rea.ru (Н.В. Свечникова), jasmin.gut@etu.unige.ch (Я. Гут)

Аннотация. В статье рассматривается эпидемия чумы на Кавказе в период 1801–1815 гг. Уделено внимание причинам распространения чумы, а также усилиям русской администрации в деле ее преодоления.

В качестве материалов привлечены архивные источники Центрального государственного исторического архива Грузии, источники личного происхождения эмиссаров, разведчиков и путешественников, которые проживали на Кавказе, а также научная и справочная литература.

В ходе исследования авторами были применены общенаучные традиционные методы: системного анализа, конкретизации и обобщения. Важное значение в исследовании имеет конкретизация частных аспектов, именно конкретизация и детализация исторических событий позволила авторам смоделировать целостную картину происходящих событий. Так, например, это позволило выявить причины слабой эффективности борьбы с чумой на Кавказе в начальный период ее распространения.

В заключении авторы отмечают, что с момента присоединения Грузии к Российской империи русская администрация проводила свою политику на Кавказе в экстремальных условиях эпидемии чумы. Принятыми мерами удавалось локализовать одни очаги, но вскоре вспыхивали новые. Причинами этого были торговые связи между населением Кавказа, а также целый ряд местных традиций и обрядов. В ряде мест смертность от чумы была очень высока. Так, например, в 1811 г. высокая смертность наблюдалась в Телавском и Горийском уездах, а также в Имеретии.

Ключевые слова: эпидемия, чума, 1801–1815 гг., Кавказ, Грузия, Кабарда, Черкесия, обряды населения, традиции.